

ПОЭТИКА

М.Ю. Осокин¹

Информационное агентство «Фергана»

К ИППОЛОГИИ ПЕТРА ЕРШОВА: ЕЗДА ЗАДОМ НАПЕРЕД И БЕСОВСКИЙ ГЕНЕЗИС КОНЬКА-ГОРБУНКА

В статье мотив ‘езды задом наперед’ в стихотворной сказке П.П. Ершова «Конек-Горбунок» (1834) рассмотрен как вариант мотива ‘переворачивания’, в славянском фольклоре устойчиво сопутствующего нечистой силе (колдунам, лешим, ходячим покойникам). Хтоническая белая кобылица укрощается «обратными» действиями, обнаруживая генетическую связь с нечистой, а размеры конька-горбунка и его способность переносить наездника в короткие сроки на огромные расстояния роднят его с бесом из жития Иоанна Новгородского.

Ключевые слова: Петр Ершов, «Конек-горбунок», фольклорный мотив, переворачивание, обратные действия, нечистая сила

М.У. Osokin

News agency «Fergana» (Moscow)

IN PYOTR ERSHOV'S HIPPOLOGY: RIDING BACKWARDS AND DEMONIC GENESIS OF THE LITTLE HUMPBACKED HORSE

The present article studies *riding backwards* in a fairy-tale poem by Pyotr Yershov “The Little Humpbacked Horse” as a variant of the “inversion”, or “overturning” motif, which related to such supernatural beings as sorcerers, leshies and undeads in Slavic Folklore. The htonic white horse harnessed by “reversal actions” determining her genetic relation to the devil as well as her son, the little humpbacked horse whose ability is to travel long distances in a short time links him with the devil from The Legend of John of Novgorod's Journey to Jerusalem on the Devil's Back.

Keywords: Pyotr Yershov, “The Little Humpbacked Horse”, folklore motif, inversion, reversal actions, supernatural beings.

---

¹ Михаил Юрьевич Осокин – кандидат филологических наук, обозреватель *Fergananews.com (Москва)*.

В 1834 году 19-летний студент Петр Ершов (22. II 1815 – 18. VIII 1869), приехавший из Тобольска в Петербург учиться в университете, печатает свою стихотворную сказку «Конек-горбунок». Большинство однокурсников узнали об этом, когда в журнале «Библиотека для чтения» была напечатана первая часть, а профессор русской словесности П.А. Плетнев зачитал ее с кафедры на лекции. Сказку хвалят ее первый издатель О. Сенковский, профессор Плетнев и поэт В.А. Жуковский, известны два отзыва о ней А.С. Пушкина¹, не говоря уже о позже установленном влиянии «Конька» на «Сказку о золотом петушке» [Кибальник, 2017, с. 105-114]. Печатно «Конька» разгромил В.Г. Белинский («не имеет не только никакого художественного достоинства, но даже и достоинства забавного фарса»), не сделав скидок на возраст сочинителя, которому не было даже двадцати: «Говорят, что г. Ершов молодой человек с талантом; не думаю, ибо истинный талант начинается не с попыток и подделок, а с созданий, часто нелепых и чудовищных, но всегда пламенных...» [Белинский, 1957, с. 151]. Ранее, впрочем, Белинский разгромил и сказки Пушкина, и «Руслана и Людмилу» как «подделки под русскую народность». Он воспринимал этот жанр в одном ряду с «Бовой Королевичем» и «Ерусланом Лазаревичем», – как ублюдочно-лубочный, псевдонародный, глупый, портящий вкус простолюдинам, как будто у них был вкус. Для некоторых читателей это было частью одной картины. В 1834 г. Николай Станкевич в письме к Я.М. Неверову отнес «Конька» к «ложному роду» литературы, который изобрел Пушкин, «когда начал угасать поэтический огонь в душе его» [Станкевич, 1914, с. 296].

Сказка Ершова в самом деле замешана на лубке, и автор оставляет отсылки к лубку, указывая источники. Отец, уговаривая дурака идти ночью в дозор на поле, обещает: «Я куплю тебе лубков»². На службе у царя Иван «так храпит, как Еруслан» [Ершов, 1902, с.

---

¹ «Теперь этот род сочинений можно мне и оставить» (фраза, сказанная самому Ершову, – по свидетельству барона Е.Ф. Розена [Ярославцов, 1872, с. 2]) и «Этот Ершов... владеет Русским стихом точно своим крепостным мужиком» (фраза, сказанная лейб-гусару графу А.В. Васильеву, молодому офицеру, который тоже писал стихи [Щукин, 1899, с. 355]).

² В тексте 1834 года было: «Я нашью тебе обнов» [Ершов, 1834, с. 10].

45]¹, повара в царской кухне «попивали мед из жбана, да читали Еруслана». Сказка сама легко входит в лубочный репертуар, ее раскупают и переиздают (и так несколько раз), заучивают наизусть, переводят на разные языки, ей подражают и под нее подделываются (позже – поставят по ней балеты, спектакли, оперы, снимут фильм и мультфильм).

Сюжет «Конька-Горбунка» выглядит как фольклорный, хотя именно такой народной сказки не существует, это контаминация сюжетов². Университетский друг Ершова Владимир Треборн вспоминал, как тот рассказывал ему сказку про Конька-Горбунка, умолчав, что перелагает ее стихами.

Секрет успеха дурака³ в том, что он оседлал лошадь задом наперед и держался не за гриву, как было бы логично и как, видимо, делали предыдущие наездники, а за хвост: «*К кобылице подбегает, / За волнистый хвост хватает, / И прыгнул к ней на хребет / Только задом наперед*» (с. 10)⁴. Иван, как положено дураку, ломает стереотип.

Для понимания сюжета важно выяснить природу белой кобылицы, матери Конька-Горбунка, и самого Конька.

Кобылица, несомненно, связана с нечистью, которая усмиряется или обезоруживается «обратными действиями». Как отмечают фольклористы, один из ходовых способов избавиться от морока лешего – вывернуть одежду наизнанку, надеть одежду и обувь задом наперед и/или менять левое с правым [Криничная, 2004, с. 251-323; Левкиевская, 2000, с. 329-330; Мадлевская, 2005]. Чтобы опознать колдуна, нужно встать на голову, переворачивание трупов при выносе из дома и погребении, укладывание в гробу ничком и переворачивание вещей в доме вверх дном помогает против ночных визитов вампиров и ходячих покойников. Одежда на покойнике застегивается на левую

---

¹ Далее цитируется по этому изданию. Номер страницы указывается в круглых скобках после цитаты.

² В рукописной неподцензурной традиции Ершову приписывалась иногда еще одна веселая, в барковиданском духе «Сказка о попе Вавиле и жене его Нениле» [РГАЛИ. Ф. 74. Оп. 1. Ед. хр. 17], которая ему, очевидно, не принадлежит, хотя и близка по стилю «Коньку».

³ О парадоксах жизни (почему из трех братьев, везет только дураку³), говорит Данило: «*Но давно уж речь ведется, / Что лишь дурням клад дается, / Ты ж хоть лоб себе разбей, / Так не выбьешь двух рублей*» (с. 17).

⁴ Курсив введе наш. – М.О.

сторону, иногда выворачивается наизнанку или иным «обратным» образом отличается от одежды живых [Толстой 1990, с. 119-126]. Чтобы повстречать нечисть, следует действовать так же – вывернуть одежду, перевесить крест с груди на спину. С этим же связано представление, что мир мертвых видит мир живых в зеркальном отображении. Именно переворачивание («*задом наперед*») делает укрощение хтонической кобылицы («*Кобылица молодая, / Очью бешено сверкая <...> Виснет пластью надо рвами*») успешным. Лошадь при этом обнаруживает свою демоническую сущность: «*Змеем голову свила / И пустилась, как стрела*» (с. 10). Понятно, что усидеть, держась за хвост («*Но дурак и сам не прост, / Крепко держится за хвост*», с. 11), на обычной лошади невозможно.

С детства будущий писатель был погружен в мифологизированный быт, полный суеверий, и это отразилось в «Коньке».

Сюжет сказки восходит к архетипическому мотиву – дурак (мужик), перехитривший или укротивший черта¹, получает его в услужение. См. у Ершова в рассказе Ивана: «*Вдруг приходит дьявол сам, / С бородою и с усам, / Рожжа словно как у кошки, / А глаза-то, что те плошки! / Вот и стал тот чорт скакать, / И зерно хвостом сбивать*» (с. 13-14). Мать Конька-Горбунка – белая (белорожденная) кобылица, в силу этого литературоведы не обратили внимания на хтоническую природу кобылицы. Между тем, белый цвет коней в мифологии и фольклоре часто указывает на их дьявольскую природу. Так, у первого и четвертого апокалипсических всадников кони тоже белые: «И видех и се конь блед» (Апок. 6:2); «И видех, и се, конь блед, и седяй на нем, имя ему смерть» (Апок. 6:8). В комментариях бенедиктинского епископа Хаймо Осерского († ок. 855) на Апокалипсис четвертый всадник, репрезентирующий смерть, интерпретируется как сам дьявол, а в немецкой рукописи XII века этих комментариев на иллюстрации он изображен на лошади задом наперед и держащим ее за хвост в виде змеи [Mellinkoff, 1973, p. 166-167, fig. 5].

В Средневековье усаживание голым на животное (как правило, осла или барана) задом наперед – наказание за греховное поведение (ересь, разврат), в ряде случаев раздетым жертвам отрезали уши, носы и язык, выкалывали глаза, а затем убивали [Mellinkoff,

---

¹ Как, к примеру, в забайкальской сказке «Солдат и черт».

1973, с. 154-162]. Одно из первых упоминаний этой традиции встречается в Хронике Феофана (IX в.): по приказу византийского императора-иконоборца Константина V патриарх Анастасий на ипподроме был высечен, раздет и посажен на осла задом наперед. Наиболее ранние упоминания сажания на осла в качестве наказания за адюльтер встречаются у греческого историка Николая Дамасского в I веке до н.э. и у Плутарха в «Греческих вопросах», но без уточнений, как сидел наездник. Наказания применялись как на западе, так и на востоке (в Персии, Индии) и существовали до самого Нового времени, так, в XVII веке в Англии развратную вдову посадили на черного барана, заставив держаться за хвост, причем наказание сопровождалось ритуальным текстом, воспроизведенном в назидание в «Трактате о замужних женах, или Законе дам» (A Treatise of Feme Coverts, or The Lady's Law, 1732): *«Here I am, / Riding upon the Back of a Black Ram, / Like a Whore as I am; / And for my Crincum Crancum, / Have lost my Bincum Bancum; / And for my Tail's Game, / Am brought to this worldly Shame...»*). Европейские ведьмы, по народным повериям, съезжались на свои шабашы задом наперед лицом к хвосту своего демонического животного [Clark, 1997, p. 19]¹.

Хтоническая кобылица рождает за три дня двух коней и конька-горбунка, т.е. в сутки по плоду. Последний по фенотипу – выродок, низкорослый гибрид, причем уже не в первом поколении – помесь осла с верблюдом, продукт «семени, употребленного во зло», из которого, согласно «Новому химическому светилу» А. Сетона, рождаются уроды и химеры [Сетон, 1785, с. 14]. Намек на хтоническую природу конька содержится, между прочим, и в словах Кобылицы: *«На земле и под землей / Он товарищ будет твой»* (с. 12). Генетически венец ее творения, самый ценный экземпляр из ее сверхъестественного ожереба – это фольклорный чертенок, предоставляемый старым чертом в услужение человеку. В этом аспекте «Конек-горбунок» оказывается в неожиданном родстве, к примеру, с беломорской сказкой «Леший на службе у мужика» (№ 810С): по совету ворожеи мужик ловит лешего, который по ночам обмолачивает и ворует у него хлеб; заставляет лешего вернуть

---

¹ См., хотя бы, известную гравюру Альбрехта Дюрера «Ведьма» (между 1500 и 1507), где изображена женщина, оседлавшая задом наперед козу [Zika, 2003, p. 305-332] или работу Ханса Бальдунга «Ведьма» (1510), где показана девушка, летящая по небу верхом на козе или баране.

похищенное, работать на него, а затем отпускает [Сравнительный указатель сюжетов, 1979, с. 204].

Комментаторы традиционно принимали сюжет «Конька» как развертывание модифицированного мотива богатырского коня: «Ершов и здесь пошел по пути трансформации традиционного сказочного образа: конь – помощник героя не волшебный богатырский, который "когда бежит – земля дрожит", а захудалый конек» [Чудаков, 2004]. Между тем полеты на 80-сантиметровом коньке за тридевять земель больше напоминают сказочные перелеты на черте, прообразом могло быть житие архиепископа Иоанна Новгородского, который укротил беса, плескавшегося в рукомоинике, превратил его за такую дерзость в коня и съездил на нем в одну ночь из Новгорода в Иерусалим и обратно: «Святой же запретив бесу.... рек: буди аки конь уготовлен стоя пред келлиею моею, яко да всед на ты совершу желание мое. Бес же изыде аки тьма из сосуда, и ста по повелению святого аки конь. Святой же изшед из келлии, вооружи себе крестом и вседше на беса, и обретесе тоя нощи во святем граде Иерусалиме <...> И паки тоя ж де нощи, в великом Нове Граде» (Жития святых, от сентября 7 дня). Этот источник, между прочим, эксплицирован в словах Конька: «*Как пуцусь да побегу, / Так и беса настигу*» (с. 21). Добывать жар-птицу «на восток» Иван приезжает на восьмой день, то есть конек преодолевает за сутки примерно по тысяче километров¹.

Персонажи у Ершова постоянно проговариваются об источниках сказки. С чертом Конька сравнивает брат Гаврило, увидев, каков тот в беге: «*Закричал тогда Гаврило, / Оградясь крестом святым – / Что за бес такой под ним?*» (с. 26)². Сам Конек вступается за родственника, когда Иван поминает того кражу коней: «*Ты на черта не клепли, / Братья коников свели*» (с. 20). На связи Ивана с дьявольщиной намекает бывший конюший, когда хочет донести на Ивана в царской думе, «*Что конюший государской / Бесурманин, ворожей, / Чернокнуижний и злодей; / Что он с бесом хлеб-соль водит, / В церковь Божью не ходит, / Католицкой держит крест, / И постами мясо ест*» (с. 41-42). (Хотя, казалось бы, эта вина несравнима

---

¹ См. тот же мотив у Гоголя в «Ночи перед Рождеством» (1832), где кузнец Вакула за ночь перелетает на черте из малороссийского хутора в Петербург.

² В тексте 1834 года было: «*Что за бес-конек под ним?*» (с. 25).

с тремя котлами, испулавшись в которых можно омолодиться, и с паганической Царь-девицей, имеющей в родне Солнце и Месяц; тут видны швы от соединения разных сюжетов.) Одновременно Конек-горбунок – редуцированный Иван, только поумнее. Он такой же аутсайдер, как и его хозяин, на фоне безупречных по виду старших братьев. Он сердится на Ивана, когда тот уснул в ситуации похищения Царь-девицы. Заслушаться и уснуть – это стандартная реакция, а Иван должен действовать нестандартно.

В сказке Ершова отсылки к прототекстам сознательны, поэтому «Конек» не так прост, как лубок. В третьей части есть длинный «ихтиологический» фрагмент, который тормозит основное повествование и затягивает путешествие Ивана: осетры никак не могут найти затонувший перстень Царь-девицы. Дельфинам приходится искать ерша, который знает дно лучше других рыб, и они находят его в пруду¹. С ершом связаны комические, в хвостовском духе стихи: *«на колени ерш упал», «на коленях ерш пищит»* (с. 106), *«Настоящие селедки! / Вам кнута бы вместо водки!» / Крикнул ерш со всех сердец»* (с. 108-109). Только ерш может обеспечить дальнейшее развитие сюжета сказки: так, на наш взгляд, Ершов обыгрывает здесь свою фамилию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белинский, В. Г. Конек-Горбунок. Русская сказка. Соч. П. Ершова / В.Г. Белинский // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. Том 1. Статьи и рецензии. Художественные произведения 1820-1835 гг. – Москва, 1953. – С. 150-151.

Ершов, П. Конек-горбунок. Русская сказка. С 47 рисунками Е. Самокиш-Судковской / П. Ершов. – Санкт-Петербург: Типография журнала «Искусство и Худож. Промышл.» Н.П. Собко, 1902. – 127 с.

Ершов, П. Конек-горбунок. Русская сказка. В III частях / П. Ершов. – Санкт-Петербург: В типографии Гинцы, 1834. – 122 с.

Кибальник, С. А. Пушкинская «Сказка о золотом петушке» и «Конек-Горбунок» П.П. Ершова / С.А. Кибальник // Пушкин и другие (двадцать лет спустя). Сборник статей к 80-летию Сергея Александровича Фомичева. – Санкт-Петербург, 2017. – С. 105-114.

Костецкая, Е. В. Литературная биография П.П. Ершова в материалах «Тобольских губернских ведомостей» / Е.В. Костецкая //

---

¹ Хотя Рыба-Кит (таксон из «Голубиной книги») ему говорит «ты по всем морям гуляешь», стало быть, это морской ерш, скорпена.

Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 381. – С. 33-41.

Криничная, Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора / Н.А. Криничная. – Москва: Академический проект, Гаудеамус, 2004. – 1008 с.

Сетон, А. Новое химическое светило, из Источника Натуры и ручного опыта почерпнутое: с присовокуплением Философской Притчи и Разговора между Алхимистом, Меркурием и Натурою. Сочинение Михайла Сендивогия / А. Сетон. – Москва, 1785. – 146 с.

Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Составители Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. – Ленинград: Наука, 1979. – 442 с.

Станкевич, Н. В. Переписка, 1830 – 1840 / Н.В. Станкевич. – Москва: Товарищество типографий А.И. Мамонтова, 1914. – 787 с.

Толстой, Н. И. Переворачивание предметов в славянском погребальном обряде / Н.И. Толстой // Исследования в области балтославянской духовной культуры. Погребальный обряд. – Москва, 1990. С. 119-129.

Чудаков, А. «Конек-горбунок» / А. Чудаков // Литература. – 2004. – № 9. – С. 9-15, 18-22.

Щукин, И. И. Разные заметки о Пушкине. Из записных книжек «Русского Архива» (Из Музея И.И.Щукина) / И.И. Щукин // Русский архив. – 1899. – Кн. 2. – № 6. – С. 383-396.

Ярославцев, А. К. Петр Павлович Ершов, автор сказки «Конек-горбунок». Биографические воспоминания университетского товарища. С приложением литографированного портрета П.П. Ершова, снимка его почерка и рецензий, являвшихся с изданием его сказки, «Конек-Горбунок» / А.К. Ярославцев. – Санкт-Петербург, 1872. – 200 с.

Clark, S. Thinking with Demons: The Idea of Witchcraft in Early Modern Europe. – New York, 1997.

Mellinkoff, R. Riding backwards: Theme of Humiliation and Symbol of Evil // Viator. – 1973. – № 4.

REFERENCES:

Belinskij, V. G. Konек-Gorbunok. Russkaja skazka. Soch. P. Ershova / V.G. Belinskij // Belinskij V.G. Polnoe sobranie sochinenij. Tom 1. Stat'i i recenzii. Hudozhestvennye proizvedenija 1820-1835 gg. – Moskva, 1953. – S. 150-151.

Chudakov, A. Konек-gorbunok / A. Chudakov // Literatura. – 2004. – № 9. – S. 9-15, 18-22.

Ershov, P. Konek-gorbunok. Russkaya skazka. S 47 risunkami E. Samokish-Sudkovskoy / P. Ershov. – Sankt-Peterburg: Tipografiya zhurnala «Iskusstvo i Hudozh. Promyshl.» N.P. Sobko, 1902. – 127 s.

Ershov, P. Konek-gorbunok. Russkaya skazka. V III chastyah / P. Ershov. – Sankt-Peterburg: V tipografii Gintsyi, 1834. – 122 s.

Jaroslavcov, A. K. Petr Pavlovich Ershov avtor skazki Konek-gorbunok. Biograficheskie vospominanija universitetskogo tovarischa. S prilozheniem litografirovannogo portreta P.P. Ershova snimka ego pocherka i recenzij javljavshijsja s izdaniem ego skazki Konek-Gorbunok / A.K. Jaroslavcov. – Sankt-Peterburg: Tip. V. Demakova, 1872. – 200 s.

Kibal'nik, S. A. Pushkinskaja Skazka o zolotom petushke i Konek-Gorbunok P.P. Ershova / S.A. Kibal'nik // Pushkin i drugie dvadcat' let spustja. Sbornik statej k 80-letiju Sergeja Alexandrovicha Fomicheva. – Sankt-Peterburg, 2017. – S. 105-114.

Kosteckaja, E. V. Literaturnaja biografija P.P. Ershova v materialah Tobol'skih gubernskih vedomostej / E.V. Kosteckaja // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2014. – № 381. – S. 33-41.

Krinichnaja, N. A. Russkaja mifologija Mir obrazov fol'klora / N.A. Krinichnaja. – Moskva: Akademicheskii proekt, Gaudeamus, 2004. – 1008 s.

Schukin, I. I. Raznyja zametki o Pushkine. Iz zapisnyh knizhek Russkago Arhiva Iz Muzeja I.I.Schukina / I.I. Schukin // Russkij arhiv. – 1899. – Kn. 2. – S. 383-396.

Seton, A. Novoe himicheskoe svetilo iz Istochnika Natury i ruchnago opyta pocherpnuotoe s prisovokupleniem Filosofskoj Pritchi i Razgovora mezhdru Alhimistom Merkurijem i Naturoju. Sochinenie Mihajla Sendivogija / A. Seton. – Moskva, v Tipografii I. Lopuhina 1785. – 146 s.

Sravnitel'nii ukazatel syujetov. Vostochnoslavyanskaya skazka. Sostaviteli L.G. Barag, I.P. Berezovskii, K.P. Kabashnikov, N.V. Novikov. – Leningrad: Nauka, 1979. – 442 s.

Stankevich, N. V. Perepiska 1830–1840 / N.V. Stankevich. – Moskva, 1914. – 146 s.

Tolstoj, N. I. Perevorachivanie predmetov v slavjanskom pogrebal'nom obrjade / N.I. Tolstoj // Issledovanija v oblasti baltoslavjanskoj duhovnoj kul'tury. Pogrebal'nyj obrjad. – Moskva, 1990. – S. 119-129.

Clark, S. Thinking with Demons: The Idea of Witchcraft in Early Modern Europe. – New York: Oxford University Press, 1997.

Mellinkoff, R. Riding backwards: Theme of Humiliation and Symbol of Evil // Viator. – 1973. – № 4.